

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну /Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Луман Н. Понятие риска //Альманах: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1994. Вып. 5. С. 135-168
3. Найт. А. Понятия риска и неопределенности //Альманах: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – М., 1994. Вып. 5. С. 18-35.
4. Политика как научная дисциплина по Д. Хелду //«Полис». 1991. № 5. С. 146-151.
5. Шевцова Д.С. Политические риски в государствах Центральной Азии //«Полис». - 2008. - №2. С. 147-156.

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Абдулкаримов Г. Г.,
г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗНЫХ ЭТНОСОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В 2010 году впервые за последние годы возникла ситуация, показывающая остроту проблемы культурного взаимодействия представителей разных этносов, проживающих в России. События на Манежной площади 11 декабря 2019 года активизировали поиск вариантов формирования толерантности в отношениях между носителями разных

этнокультур. В многочисленных публикациях, касающихся этой проблематики и основанных, как правило, на данных, полученных в ходе эмпирических исследований, высказываются различные точки зрения, иногда радикально отличающиеся друг от друга. Тем не менее можно выделить несколько основных позиций, по которым позиции ученых оказываются достаточно близки:

- во-первых, социальные сдвиги, происходящие в стране, имеют интенсивный характер, но отличаются пространственно-временной неравномерностью, что сказывается на возможностях развития этносов, территориально сосредоточенных в депрессивных районах;
- во-вторых, они носят противоречивый характер, когда одновременно проявляются трансформационные тенденции, условно говоря, принадлежащие к различным историческим эпохам;
- в-третьих, доминирующим трендом в эволюции социальной стратификации российского общества является (с большими или меньшими оговорками) высокий уровень поляризации крайних страт и значительные разрывы между всеми остальными слоями, представленными в любом этносе;
- в-четвертых, весь процесс при его относительной стабилизации в последние годы еще далек от завершения (прежде всего, с точки зрения формирования социальной структуры, свойственной т.н. «постиндустриальному» этапу развития).

Для того, чтобы понять основания для формирования толерантного взаимодействия между представителями разных этносов на основе общих ценностей, необходимо, на наш взгляд, использовать теоретические подходы, разработанные Т. Парсонсом.

Достаточно, например, сослаться на известную формулировку этого макросоциолога: ценности «суть не что иное, как представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия

субъектами действия определенных обязательств. Нормы, основная функция которых – интегрировать социальные системы, конкретны и специализированы применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуаций. Они не только включают элементы ценностной системы, конкретизированные применительно к соответствующим уровням в структуре социальной системы, но и содержат конкретные способы ориентации для действия в функциональных и ситуационных условиях, специфичных для определенных коллективов и ролей» [1].

Изучение ценностных ориентаций и поведенческих норм различных социальных групп занимает существенное место в социологии и социальной психологии, в том числе и в нашей стране. Однако, как нам представляется, все еще недостаточно учитывается один фактор социальной, точнее – социокультурной, эволюции российского общества, который особенно остро ставит вопрос о необходимости пристального внимания к проблеме ценностей и норм – это фактор усиления в последнее время ряда сложных процессов, обобщенно объединяемых термином «мультикультуризм» [2].

Как правило, в работах, анализирующих изменения социальной структуры, среди критериев выделения тех или иных социальных групп этнический (или, вернее, этносоциокультурный) фактор либо вообще отсутствует, либо рассматривается как нечто второстепенное. Причины подобной недооценки этнокультурной стороны трансформационных процессов отчасти можно обнаружить в справедливых ссылках на преимущественно моноэтнический характер современного Российского государства, относительно небольшой удельный вес в нем нерусского населения (в общей структуре населения русский этнос составляет, по данным переписи 2002 г., более 80% населения [3]), на то, что значительная часть представителей нерусских этносов считает русский язык своим родным языком [4].

Но при этом не полностью учитываются, как минимум, три обстоятельства, имеющие характер долговременных трендов и способные уже в ближайшей перспективе значительно усилить роль этносоциокультурных факторов.

Во-первых, это влияние *исторической традиции складывания России как империи*, вместившей в свои пределы различные этносы и конфессии. Изменения в нормах и ценностях социальных групп, происходящие в современной России, в известной степени зависят от этой традиции, отразившей опыт межкультурных и межконфессиональных взаимодействий русского и других этносов в рамках Российской империи.

Во-вторых, это нынешние *тенденции развития демографической ситуации* в стране, которые свидетельствуют о реальности увеличения уже на ближайшем отрезке времени удельного веса других этносов и соответствующем сокращении удельного веса русского этноса [5]. В частности, в исследованиях обращается внимание на то, что подобная тенденция становится неотъемлемым элементом развития демографической ситуации в российских мегаполисах [6].

В-третьих, это очевидная тенденция к значительному *увеличению миграционных потоков*. В большом количестве публикаций социологов, этнологов, социальных психологов, посвященных развитию миграции в современной России, отмечается, что эти миграции должны рассматриваться как постоянно действующий фактор социальной действительности страны, отражающий не только российские, но и мировые тенденции развития в условиях глобализации. Более того, роль этого фактора будет, по всей видимости, только увеличиваться и оказывать влияние на самые разные стороны российского общества [7].

Так, развитие миграционных процессов ведет к росту численности в составе городского населения, прежде всего в мегаполисах, неславянских групп населения при одновременной их концентрации в определенных сферах хозяйственной деятельности. Последствием является своего рода

«двойная поляризация» в составе этих групп: внутри их самих и по отношению к основной части городского населения, сохраняющего относительно однородный, славянский этнический состав; общий рост конфликтогенности как собственно социального, так и этнокультурного характера [8].

Все эти реально фиксируемые социологами процессы позволяют говорить о важности научного анализа этносоциокультурной составляющей в общей трансформации социальной структуры современного российского общества. Тем более, что с большой долей вероятности можно предполагать, что уже в ближайшие десятилетия восполнение трудовых ресурсов будет в значительной мере питаться миграционными потоками и более высокими темпами воспроизводства населения в неславянских республиках России и в соответствующих этнических диаспорах на прежде относительно моно(русско)этнической территории страны.

Одна из функций социальной науки заключается в том, что идти, хотя бы на полшага впереди сегодняшнего дня, уметь предвидеть проблемы завтрашнего дня и помогать обществу начинать их решать чуть раньше, чем они стали перед ним в полный рост.

С этой точки зрения необходимо уже сейчас правильно оценить перспективное влияние на социальную динамику российского общества отмеченных тенденций к постепенному повышению роли этносоциокультурного фактора. Для этого, в свою очередь, следует рассмотреть данный фактор в контексте решения тех стратегических задач, которые в настоящее время стоят перед Россией.

Ключевым в данном случае является вопрос о том, к каким социальным сдвигам приведет последовательное проведение экономической политики, направленной на продвижение России по инновационному пути развития.

В целом ряде исследований зарубежных социологов, основанных на большом эмпирическом материале, было, в частности, показано, что широкое распространение в производстве и быту high-tech оказывает

непосредственное воздействие на традиционную для индустриального этапа развития социальную стратификацию общества [9].

Главной тенденцией стратификационных перемен становится возникновение новых форм неравенства и соответствующая поляризация общества по дополнительным основаниям.

Разделение работников по уровню включенности в технически оснащенное производство ведет к трансформации ценностного рода. Как с тревогой отмечают многие западные социологи, общество в известной мере начинает утрачивать «общий ценностный язык», поскольку для многих представителей «низшего класса» ценностные установки тех, кто занят в «экономике знаний» (например, ориентация на творчество, собственную самореализацию, непрерывное расширение своего культурного пространства, сдержанное отношение к идеологии потребительства и т.п.), оказываются чуждыми, даже неприемлемыми.

К тому же у возникающей новой поляризации обнаруживается одна дополнительная, потенциально чреватая большими социальными издержками черта: она во многом базируется на *отчуждении этнокультурного характера*.

Именно представители этнических меньшинств, мигрантов, численность которых, особенно в странах Западной Европы, непрерывно увеличивается, составляют все больший процент лиц, занятых малоквалифицированным трудом в традиционных индустриальных видах производства, в сфере услуг, а также людей, живущих на социальные пособия. При этом, как правило, они не могут (а чаще всего не обладают внутренней мотивацией) получить качественное образование, поэтому, оказываясь в своеобразном «культурно-образовательном гетто», остаются в рамках традиционных для них нормативно-ценностных систем, плохо совместимых с ценностями «информационной эпохи» [10].

Ряд событий последних лет в Западной Европе наглядно показал, что социальная поляризация уже сейчас во многом имеет явное «этническое

выражение», и те ценности, которые несет с собой «экономика знаний», по большей части воспринимаются этнокультурными группами, входящими в состав «низшего класса», как чуждые и враждебные.

Не меньшую тревогу вызывает и то обстоятельство, что даже в случае приобщения представителей иных этнокультурных традиций к современным технологиям результат для всего общества может оказаться деструктивным, так как технологические достижения начинают использоваться в целях противостояния доминирующей в обществе социокультурной ориентации. «Столкновение цивилизаций» переносится внутрь западного социума, что, по обоснованным прогнозам многих специалистов, ставит под сомнение саму перспективу дальнейшего успешного движения Запада по пути постиндустриального развития.

Понятно, что с этой точки зрения опыт Западной Европы значительно отличается от опыта развития России, страны, исторически сложившейся как полиэтническое и поликонфессиональное общество, но в иных геоэкономических и геоэтнокультурных условиях.

Однако, представляется, что сама по себе тенденция к усилению этнокультурной составляющей в новой социальной поляризации общества по мере его продвижения по пути формирования «экономики знаний» имеет общий характер, поскольку отражает различный исходный потенциал этнокультурных общностей с точки зрения их адаптации к столь существенным изменениям всей социокультурной среды, которыми чреват процесс глобализации [11].

На наш взгляд, в современной России существуют серьезные обстоятельства, свидетельствующие о наличии реального потенциала для ускорения социальной поляризации общества на этнокультурной основе в условиях перехода к инновационной модели развития.

Особенность high-tech в том, что их эффективное использование и развитие требуют создания определенной инфраструктуры, составной частью которой является работник заданных образовательно-культурных параметров

(например, хотя бы на прикладном уровне владеющий английским языком, основным языком передачи в современном мире новой информации). В нашей стране представители всех этносов должны получить возможность активного освоения достижений научно-технического прогресса. Это будет самым действенным средством профилактики межэтнических конфликтов, сближения уровня производственной, досуговой культуры народов, населяющих Россию.

Пока же как в мегаполисах, так и в средних и небольших городах России основной областью применения труда представителей неславянских этнических групп становится сфера услуг, прежде всего розничная торговля, бытовые услуги, жилищно-коммунальное хозяйство. Сравнительно широко эти группы представлены в строительстве, ремонтных работах, но преимущественно в зоне малоквалифицированного труда. Не менее показательным и то, что средний и мелкий бизнес, контролируемый этими этническими группами, также чаще всего связан со сферой услуг, вдобавок часто носит «теневой» и полукриминальный характер.

Подобное экономическое сегментирование, естественно, не может быть объяснено только через недостаточный уровень квалификации мигрантов или трудности их языковой адаптации в условиях городов с преобладанием населения, для которого русский язык является родным. Безусловно, здесь играет роль и исторический контекст: сложившаяся на протяжении веков и закрепившаяся в традиции склонность к определенному рода занятиям и связанными с ними трудовым навыкам, а также последствия той неформальной системы разделения труда, которая стихийно сформировалась в последние десятилетия существования СССР в сфере «теневой экономики».

В результате происходит постепенное формирование в российских городах сравнительно однородных в этнокультурном отношении сфер занятости, где изначально не требуется высокий образовательный уровень и где практически отсутствуют стимулы для его повышения. В то же время, как социальный, так и материальный статус занятых в этих сферах людей (за

исключением тонкого слоя «элиты» этнокультурных диаспор) невысок и не имеет заметной тенденции к сколько-нибудь существенному росту.

Таким образом, можно констатировать, что уже сейчас в городской среде постепенно складываются реальные предпосылки для формирования значительной прослойки «низшего класса» на этнокультурной основе.

Конечно, социальная поляризация происходит и в славянской доминанте населения российских городов, в тех сферах (традиционное индустриальное производство, бюджетные сферы: образование, медицина и т.п.), где удельный вес людей, принадлежащих к русской этнокультурной общности, был традиционно высок. Однако исходный культурно-образовательный уровень большинства работников, занятых в данных сферах, по крайней мере, не создает тех препятствий на пути приобщения к достижениям «экономики знаний», которые возникают у неславянских этнокультурных компонентов формирующегося городского «низшего класса».

Сказанное, как представляется, свидетельствует о том, что существует потенциальная опасность интенсивного формирования в России, по мере того, как все более четкие очертания будет приобретать переход к инновационному типу экономики, обширных групп «низшего класса» на этнокультурной основе в определенных регионах и в городской среде (особенно в мегаполисах).

Литература

1. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 18-19.
2. Куропятник А. И. Мультикультуризм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000; Мультикультуризм и трансформация постсоветских обществ. Материалы конференции / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М., 2002.

3. Степанов В. В., Тишков В. А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г.) // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 64-74.
4. Шкаратан О. И., Ильин В. И. Указ. соч. С. 52-53.
5. Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: Грааль, 2002; Демографическое будущее России. М.: Права человека, 2001; Стратегия демографического развития России. М.: ЦСП, 2005.
6. Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития. М.: ЦСП, 2005; Остапенко Л. В., Субботина И. А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? М.: РУДН, 2007.
7. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М.: АО «Авиаиздат», 1996; Миграция и безопасность в России. М.: Интердиалект+, 2000; Миграция и национальная безопасность. М.: МАКС Пресс, 2003; Мукомель В. И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М. ИС РАН, 2005; Население и глобализация / Под общ. ред. Н. М. Римашевской. М.: Наука, 2002; Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомеля и Э. А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006; Петров В. Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004; Юдина Т.Н. Социология миграции. М.: Академ. проект, 2006, и др.
8. См. напр.: Дмитриев А. В., Слепцов Н. С. Конфликты миграции. М.: Изд-во Альфа-М, 2004; Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Моск. центр Карнеги, 1999; Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. и автор проекта Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002.

9. См., напр.: Кастельс М. Указ. соч.
10. См.: Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. М.: ИЭА РАН, 2006.
11. См.: Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязычные процессы. В 2-х кн. / Под ред. Г. П. Нешименко. М.: Наука, 2004.

Агинская Т.И.,
г. Екатеринбург

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР КАК СЛЕДСТВИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В постсоветское время трансформационные процессы затронули все сферы российского общества: политику, экономику, культуру и т.д. Российская повседневность постепенно меняется и в столь важной для населения страны сфере, как брачно-семейные отношения, на которые оказывает влияние новая социальная структура. В лексике исследователей в последнее десятилетие для обозначения изменения социальных процессов появились такие понятия, как «демографическая модернизация» [1], «трансформация семьи» [2], «эволюция института брака» [3] и др.

После 1986 года в России складывается рыночная экономика, что означало начало формирования новой стратификационной системы, т.е. расслоения населения по признаку пола, образования, доходов и т.д. Как известно, в социологии в анализе обществ индустриального типа принято обращаться к двум основным подходам: классовому (К. Маркс) и статусно-стратификационному (М. Вебер). Немецкий классик выделяет социальные группы (слои, страты), стратификационными критериями которых являются уровень доходов, власти и статуса (престиж и привилегии) [4]. Подробный анализ социальной структуры в целом, истории социального неравенства и